

ПЕРЕПИСКА М. К. ЛЕМКЕ С НАСЛЕДНИКАМИ ГЕРЦЕНА

ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
И «ПУШКИНСКОГО ДОМА»*

Обзор В. И. Кулешова

1

Революция 1905 г. сделала имя Герцена «легальным» в России. Старший сын писателя, Александр Александрович, передавший еще в 1894 г. Ф. Ф. Павленкову право на издание сочинений своего отца в России, писал М. К. Лемке 12 октября 1905 г.: «Первая, главная цель наша была *проломить цензурный лёд* во что бы то ни стало...» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 295, л. 1 об.) Но цель эта была достигнута лишь отчасти: цензура сделала свое дело, и семитомное, далеко не полное издание фирмы Павленкова вышло в 1905 г. с сильно изуродованным текстом.

Потребность в новом полном издании сочинений Герцена делалась все ощутительней. В марте 1907 г. внук Герцена, Николай Александрович Герцен, обратился от лица всех наследников писателя к М. К. Лемке с предложением взять на себя редактирование полного собрания сочинений. «Признавая необходимость иметь в качестве редактора человека, знакомого основательно с произведениями моего деда, как и вообще с историей литературы того времени,— писал он,— мы остановились на вас, как на человеке, наиболее соответствующем этому званию, в случае, конечно, согласия с вашей стороны взять на себя эту довольно сложную обязанность» (ИРЛИ, ед. хр. 306, л. 8—8 об.). В письме от 9 сентября того же года, получив утвердительный ответ от Лемке, давно уже мечтавшего издать Герцена «так, как ни разу никто не издавал в России» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 66 об.), Н. А. Герцен снова возвратился к этому вопросу: «Я очень счастлив, что вы согласились взять на себя редактирование задуманного издания произведений моего деда, и я сердечно благодарю вас за это не только от своего лица, но также и от имени всех наших. Мы все имеем также очень большое доверие к вашим знаниям, вашей добросовестности и вашей преданности памяти Герцена, и мы уверены, что

* Используемые в настоящем обзоре неопубликованные материалы из переписки Лемке с наследниками Герцена (в период подготовки ими собрания сочинений и писем Герцена) хранятся в двух разобренных фондах. Письма Лемке входят в «пражскую коллекцию» и хранятся вместе со всем фондом в Москве, в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 325—340). Здесь же копии и черновики некоторых адресованных Лемке писем Натальи Александровны Герцен (дочери), черновики проектов договоров с издателями, карточки-запросы Лемке, сводная таблица поступивших запросов с отметками о результатах поисков и т. п. Вся эта часть коллекции насчитывает более трехсот листов. Вторая часть переписки — ответы Н. А. Герцен и других наследников — находится в Ленинграде, в фонде М. К. Лемке, хранящемся в Институте русской литературы АН СССР («Пушкинском доме» — ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 295—307). Здесь же письма к Лемке М. О. Гершензона, Г. Н. Вырубова, Г. П. Георгиевского и других по поводу издания и специальная папка с коллекцией иллюстраций для собрания сочинений (ед. хр. 21).

под вашим управлением и благодаря вашим заботам Россия будет, наконец, иметь вполне удовлетворительное издание произведений ее великого изгнанника» (ИРЛИ, ед. хр. 306, л. 12, подлинник на франц. яз.).

В договоре, который был заключен между Лемке и наследниками, первый был официально объявлен редактором, последние — издателями. Лучшего редактора нечего было и искать. Знаток архивов и истории русского революционного движения 1840—1860-х годов, энтузиаст в работе, неутомимый исследователь, Михаил Константинович Лемке (1872—1923) еще в предреволюционные годы был известен демократизмом своих взглядов. Именно это помогло ему понять и оценить Октябрьскую социалистическую революцию и на пятидесятом году вступить в Коммунистическую партию, «которой, — как он сам говорил, — суждено перевернуть весь мир». «Я горжусь, — писал он Н. А. Герцен 31 декабря 1922 г., — что хоть под конец своей жизни включил себя в ряды людей, героически и твердо борющихся против мировой буржуазии» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 200—200 об.). Работы Лемке по истории русского революционного движения, журналистики, царской цензуры, насыщенные богатым архивно-документальным материалом, широко известны и сохраняют до сих пор свою научную ценность.

Не будем останавливаться на многих мытарствах, которые уже на первых порах претерпел Лемке при подготовке полного собрания сочинений Герцена: возникла судебная тяжба с душеприказчиками фирмы Павленкова, считавшими, что им принадлежит монополия на издания Герцена; были у Лемке столкновения и с так называемым «кружком Герцена», руководимым В. Я. Богучарским, Ф. И. Родичевым и др. Кружок этот пытался подорвать кредит нового издания выпуском «Былого и дум» от своего имени. Лемке в письмах к дочери Герцена, Наталье Александровне, разоблачил этот кружок, состоявший «сплошь из кадетов» и популяризовавший «один бок Герцена, поскольку он отвечает „кадетским“ надеждам». «Я горд тем, — писал Лемке, — что дам Герцена без всякой помощи от *такого* кружка» (там же, лл. 28 об. и 122 об.). После неудачных переговоров с издателями Вольфом, Марксом, братьями Цейтлиными («Просвещение») и Сытиным, боявшимися рисковать капиталами на издание «крамольного» Герцена, Лемке, наконец, договорился с фирмой Стасюлевича, взявшей обязательство немедленно выпустить в свет все издание, как только истекут права фирмы Павленкова. Это должно было произойти в 1915 г. Пока же Лемке принялся готовить все издание, том за томом, чтобы в нужный момент пустить их одновременно в машину. Как известно, начавшаяся мировая война помешала своевременному выходу этого издания. В 1915 г. вышло всего восемь томов, а остальные четырнадцать появились уже при советской власти (последний том — в 1925 г.).

Лемке еще при предварительном обсуждении договора решительно отказался от всякого вознаграждения за свой труд. В письме к Н. А. Герцен от 18 октября 1913 г. он писал: «Я, как и раньше заявлял, много лет назад, отказываюсь категорически и бесповоротно от всякого редакторского и другого гонорара, желая видеть в своем десятилетнем, ко дню выпуска издания в свет, труде дань памяти Герцена, а отнюдь не какое-либо одолжение его наследникам. Пусть эта работа будет сделанной только от сердца, а не от чего-нибудь другого» (там же, л. 30 об.).

Взаимоотношения между редактором и наследниками не лишены были некоторой «романтики»... «Частенько, особенно теперь, когда я весь ушел в вашего отца, — писал Лемке к Н. А. Герцен 27 апреля 1912 г., — смотрю я на вашу карточку и на карточку Николая Александровича, и много дум и много чувств возбуждают эти лица дочери и внука величайшего из русских писателей...» (там же, л. 1). До осени 1912 г.

М. К. ЛЕМКЕ У Н. А. ГЕРЦЕН В ЛОЗАННЕ ЗА РАЗБОРОМ РУКОПИСЕЙ ГЕРЦЕНА

Фотография 1912 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

знакомство было только заочным. 25 сентября того же года, собираясь в Швейцарию, Лемке писал Н. А. Герцен: «Я начинаю волноваться в ожидании нашей встречи, встречи человека, десять лет положившего на изучение того, что люди, которых он увидит, знают, как свои пять пальцев» (там же, л. 2). Лемке не владел французским языком, и поэтому было условлено, что при выходе из вагона в Лозанне он будет держать книгу в зеленом переплете, по которой встречавшие его могли бы догадаться, что это и есть «редактор Лемке»...*

Главной целью поездки Лемке за границу было личное ознакомление с семейным архивом Герценов и переговоры с наследниками по различным вопросам, связанным с изданием. Еще до начала своей работы над Герценом Лемке заставил наследников заняться обследованием семейного архива, перебрать все папки и связи. Наследники Герцена далеко не так хорошо разбирались в имевшихся в их распоряжении материалах, как вначале предполагал Лемке. 11 октября 1912 г., в связи с намерением Лемке приехать в Лозанну, Н. А. Герцен откровенно призналась в письме к нему: «Вы, кажется, думаете, что много узнаете от нас, т. е. что мы многое вам *разъясним*, а мы думаем как раз наоборот, и мы уверены, что *мы* гораздо больше узнаем *от вас*, чем вы от нас,—изо всего того, что касается отца, его друзей, его деятельности и т. д.» (ИРЛИ, ед. хр. 297, л. 6).

В Лозанне Лемке впервые ознакомился по автографу с пятой частью «Былого и дум», сделал отметки во французском «*Kolokol*» для снятия копий, выверил некоторые копии. Еще из Петербурга он писал Н. А. Герцен: «Очень буду благодарен вам за все те копии, которые вы сделаете к моему приезду: это сильно облегчит мою работу в Лозанне» (письмо от 25 сентября 1912 г. — ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 2 об.). Копии присылались с пропусками — Лемке должен был знать, что именно пропущено, какие имена скрывались под вымышленными инициалами в копиях. Об этом Н. А. Герцен делала самые общие предупреждения в письмах к Лемке. Наконец, надо было договориться при личной встрече с наследниками относительно некоторых подробностей в письмах Герцена, касающихся отношений с Н. А. Тучковой-Огаревой. О «лозанских беседах» на эту тему Лемке вспоминал впоследствии в письме к Н. А. Герцен от 17 апреля 1914 г. (там же, л. 128). Из Лозанны Лемке вывез большое количество копий.

После отъезда Лемке из Лозанны Н. А. Герцен писала ему 13 декабря 1912 г.: «Работа продолжается, мы уже кончаем польский архив» (ИРЛИ, ед. хр. 297, л. 19 об.). Несомненно, речь шла о материалах, касающихся взаимоотношений писателя с польскими революционерами. Материалы были собраны польскими эмигрантами в городе Рапперсвиле (Швейцария), в музее, и специально были выписаны к приезду Лемке. Николай Александрович писал Лемке 2 сентября 1912 г.: «Не забудьте сообщить мне *своевременно* день и число вашего приезда сюда, чтобы я мог заранее выписать нужные бумаги из Рапперсвильского музея. Я выпишу также и письма к Ворцелю и вообще все, что имеется в этом музее Герцена и о Герцене» (там же, ед. хр. 307, л. 32 об.). Следует сказать, однако, что и после «ревизии» Лемке встречались сюрпризы: в ноябре 1914 г., когда многие тома издания уже были в наборе, Лемке был, по его словам, повергнут «не только в восторг, но и в ужас» следующим сообщением Н. А. Герцен: «Открытие!!!! Пачка писем моего отца, большею частью к Огареву 1868—1869 гг. Открыла я

* Время пребывания Лемке в Лозанне может быть установлено лишь приблизительно. Приехал он, повидимому, 24 октября 1912 г. (см. в письме к нему Н. А. Герцен от 20 октября 1913 г.: «Ровно год тому назад вы сядились в вагон, направляясь в Лозанну». — ИРЛИ, ед. хр. 299, л. 12). Время отъезда Лемке из Лозанны точно установить не удастся. По всей вероятности, это произошло около 7—8 ноября 1912 г.

их на чердаке в сундуке, наполненном бумагами; они оказались в картоне в полном порядке. Я и не подозревала об их существовании. Рылась на чердаке, и вот какой клад откопала» (там же, ед. хр. 301, л. 41. — Письмо от 9 ноября 1914 г.).

Редактор и наследники организовали сбор материалов также и на стороне. По предложению Лемке, весной 1913 г. было составлено и опубликовано специальное объявление или, вернее, обращение за подписью Натальи Александровны и Николая Александровича Герценов — «По поводу первого полного собрания сочинений А. И. Герцена», которое было разослано в редакции русских и зарубежных изданий. В этом обращении, между прочим, говорилось:

«Предоставив М. К. Лемке весь хранящийся у нас и наших родственников архив и все прочие материалы, заручившись таким же содействием ему со стороны наших друзей и лиц, близких покойному Герцену, мы обращаемся с просьбой ко всем лицам и общественным учреждениям оказать ему и с их стороны всякое возможное содействие.

Для редактора предпринимаемого издания весьма важна буквально каждая строчка Герцена, будь то неизвестное сочинение, письмо, записка, автограф на книге или портрете и т. п. Каждая мелочь представляет свое серьезное, а иногда и большое значение.

Поэтому мы убедительно просим всех, кто имеет хоть какой-нибудь автограф А. И. Герцена, не отказать сообщить об этом Михаилу Константиновичу Лемке <...>, а если бы ему понадобилось, то предоставить и самый оригинал для скорейшего снятия копии. Копии, тщательно снятые самими обладателями таких материалов, тоже, конечно, ценны, но опыт показал, как вообще недостаточно хорошо разбирается почерк Герцена и насколько для редактора издания важна личная сверка копии с оригиналом. Не рискующие присылать частному лицу свои материалы могут направлять их в Рукописное отделение Библиотеки императорской Академии наук, с указанием, что они посылаются для снятия копии и ознакомления М. К. Лемке и после того должны быть возвращены Отделением по такому-то адресу <...>

Кроме рукописных материалов, большое значение имеет и все когда и где-либо *напечатанное* с именем Герцена или его псевдонимами. Возможно, что кто-нибудь обладает изданием доселе неизвестного произведения или известного, но в другом издании. Мы будем весьма признательны за точные библиографические указания о такого рода изданиях.

У многих лиц и общественных учреждений имеются до сих пор не напечатанные произведения и письма *современников Герцена* (1812—1870), в которых заключаются упоминания о нем или его сочинениях. Сообщение М. К. Лемке выписок из таких материалов не менее ценно.

Наконец, важны точные указания на *иностранную литературу* (книги, брошюры, листки, журналы и газеты) о Герцене и его сочинениях...» (ЦГАЛИ, ед. хр. 332, л. 1).

Сами наследники организовали довольно широкую корреспондентскую сеть: поручали разным лицам просмотр комплектов старых изданий в Париже, Женеве, Лондоне и других городах, переписывались с Рапперсвильским музеем, с музеем, основанным князем Д. И. Бебутовым в Берлине*, где хранились материалы о Герцене, и т. п.

Лемке приходилось «инструктировать» наследников, в особенности главного своего помощника, Наталью Александровну Герцен, где и как вести розыски материалов, каким образом снимать копии, какие резюме

* Сведений о кн. Бебутове, с которым был лично знаком Лемке, и о его музее нам собрать не удалось. В просмотренных нами справочниках по Берлину музей Бебутова не обозначен.

из иностранной периодики о Герцене присылать ему. При этом Лемке предупреждал, что многие его «заказы» могут оказаться неточными, так как он часто делает их не по первоисточникам, а по доступной ему литературе.

По всем важнейшим вопросам издания, расположения материала, характера комментария Лемке советовался с наследниками. С ними был согласован и положенный Лемке в основу издания хронологический метод публикации сочинений и писем Герцена. «Все идет в хронологическом порядке написания сочинений и писем, — сообщал он Н. А. Герцен 12 мая 1913 г. — Написанное не по-русски и самим Герценом по-русски не напечатанное идет на языке оригинала и в переводе. Письма идут вместе с сочинениями, вперевивку. Хронологически развернется Герцен перед читателем, и тогда только поймут этого гениального человека» (там же, ед. хр. 327, л. 66 об.).

«Ах, хорошо все как выходит у меня, так — просто пальчики оближет публика! Сам вижу, что хорошо! — писал он в другом письме, от 15 января 1915 г. — И все благодаря хронологическому методу расположения материала. Он делает прямо чудеса, но не бьет в глаза, а так, постепенно, открывает всего Герцена» (там же, л. 158 об.).

Доведенный до крайностей и все же далеко не последовательно осуществленный, хронологический метод подачи материала оказался, однако, самым уязвимым местом в издании Лемке.

Вопрос о том, как обойти цензурные рогатки, постоянно вставал перед редактором. 28 января 1913 г. Лемке поделился с наследниками возникшей у него идеей. «Я придумал, — писал он, — как сделать нецензурно *полного* Герцена, и притом как следует. Надо поставить издателю условие, чтобы все, что я выпущу в русском издании собрания, он отпечатал тем же форматом в виде дополнительного тома за границей; этот том будут доставать себе все, кто действительно интересуется *полным* Герценом... Мысль эта мне очень нравится, а друзей моих она приводит прямо в восторг» (там же, ед. хр. 327, л. 63 об.)*.

Издавать за границей том с дополнениями, как известно, не понадобилось: после Великой Октябрьской революции все цензурные купюры были восстановлены и приложены на отдельных листках к выпшедшим томам собрания сочинений — как к перепечатанным заново по матрицам, так и к оставшимся на складе от первого тиража.

31 декабря 1913 г. Лемке писал Н. А. Герцен: «Как бы вы предпочли указывать место нахождения оригинала тех бумаг и писем, которых копии я от вас или других членов семьи получил? Я не имею точного указания, у кого они: у вас, Николая Александровича, мадам Терезы <вдовы А. А. Герцена> или Ольги Александровны, да и не думаю, чтобы это было хорошо для читателя. Гораздо солиднее, если говорить: „Хранится в семье Герцена“, или: „У детей Герцена“, или: „В семейных бумагах Герцена“. Выберите и мне сообщите — я должен придерживаться одной формы» (там же, л. 82). Выбрано было обозначение: «АСГ», т. е. «Архив семьи Герцена». Это решение оказалось весьма неудачным, так как некоторые материалы хранились не в Лозанне, а в Версале у О. А. Моно и в других местах, и все это оказалось скрыто под общим обозначением «АСГ», что затрудняет теперь розыски материалов, не вошедших в «пражскую» и «софийскую» коллекции и оставшихся за рубежом.

Военные события 1914—1918 гг. сильно затруднили переписку Лемке с его иностранными корреспондентами. Немало писем и посылок с мате-

* Такой же совет — напечатать за границей дополнительный том, содержащий свод цензурных искажений, — дал Н. А. Герцен известный библиограф Н. А. Рубакин в письме от 27 сентября 1913 г. (там же, ед. хр. 308, л. 1—1 об.).

риалами пропало *. Все находившиеся за границей помощники замолкли. Вдобавок и сам Лемке был вскоре мобилизован.

Февральская революция 1917 г. сильно взволновала наследников Герцена. Н. А. Герцен телеграфировала Лемке 7 апреля 1917 г.: «Vive Russie libre!» **. А 15 апреля было послано письмо:

«Россия воскресла! воистину воскресла! — и, думая об этом, я молодею от радости и счастья <...>, т. е. душа моя молодеет — оболочка же — другое дело, ее не поправить <...>».

Говорят, что „Марсельезу“ все поют в России теперь, но никто не мог доставить мне слова *русские* до сих пор. Если б не трудное, утомительное и опасное путешествие благодаря войне, я была бы уже в Москве (все мои туда же стремятся) и у вас в Петрограде. Приходится ждать. А пока повторяю:

„Россия воскресла!“

„Воистину воскресла!“ — и обнимаю вас и всех ваших. Племянник Николай просто с ума сходит от счастья, думая о России!» (ИРЛИ, ед. хр. 304, лл. 5 об. — 6).

Однако решительный шаг — переезд в Россию — своевременно не был сделан. Дочь Герцена осталась в Лозанне, в атмосфере, которая была отравлена ложью и злобной клеветой империалистической буржуазии на молодую республику Советов. Н. А. Герцен не смогла понять великий исторический смысл Октябрьской революции.

Советское государство национализировало наследие русских классиков, и в том числе сочинения Герцена, как свое законное достояние. Это вызвало недовольство у некоторых наследников Герцена. Издание, подготавливавшееся много лет и оборвавшееся на девятом томе, теперь не только быстро стало выходить в свет, но, по постановлению Комиссариата народного просвещения, в спешном порядке было повторено массовым тиражом по старым матрицам.

Понимая, какую важность представляло теперь приобретение семейного архива, Лемке неоднократно пытался завязать переписку с Натальей Александровной, но не получал ответа. Одно из писем Лемке, от 31 декабря 1922 г., сохранилось в архиве Н. А. Герцен. Сообщив, что «в момент нашей славной пролетарской революции» сочинения Герцена были национализированы, Лемке писал своей корреспондентке:

«Я не сомневался, что именно дети Герцена приветствуют горячо нашу пролетарскую социалистическую революцию, и потому счел своим долгом хлопотать о продолжении издания под своей же редакцией. Здесь уже выбора не было — никто, кроме меня, продолжить этого дела не мог, а я сам всей душой был на стороне революции, что и доказал вступлением своим в Российскую коммунистическую партию.

Было заключено условие, по которому государство купило от наследников Герцена все нераспроданные еще экземпляры изданных тогда первых восьми томов. Мною были получены деньги и положены на текущий

* К сожалению, трудно сказать, какие именно материалы погибли. О самом факте мы знаем из глухих упоминаний в письмах Н. А. Герцен к Лемке от 6 марта и 3 апреля 1915 г. (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 302, лл. 5 об. и 8). В последнем письме она сама просит разъяснений у Лемке, по прочтении присланного им для просмотра в Лозанну предисловия к отпечатанному первому тому: «Вы пишете (в том же „заключении“): „Отправленные ими (т. е. нами) в период начала европейской войны важные материалы пропали“. Какие материалы пропали? Вы об этом в первый раз говорите». В письме от 2 мая того же года Н. А. Герцен жалуется на то, что Лемке не ответил на ее вопрос в предыдущем письме, и тут же предлагает: «Не лучше ли сказать в предисловии о том, что по обстоятельствам военного времени вы не могли получить некоторых материалов?» (там же, л. 10). Не знаем, что ответил Лемке и ответил ли он вообще. Но в предисловии к первому тому он все же оставил упоминание о пропаже материалов.

** «Да здравствует свободная Россия!» (франц.).

счет в банке, чтобы перевести вам их при первой возможности. Но вот в 1919 г. банки были национализированы и деньги канули в Лету. Из прилагаемого отчета вы увидите, что пропало таким образом по тогдашней валюте 108 393 рубля, что, в сущности, по ценам тогдашнего времени равнялось около 30 000 рублей золотом <...>

В данное время издание наше заканчивается: сейчас выходят в свет XX и XXI тома и начат печатанием последний, XXII, который, как вы помните, должен свестись к разного рода указателям, индексам и прочему ориентировочному материалу. Дело можно считать почти законченным. Кризис типографский и бумажный затянул все дело на несколько лет. Только благодаря твердому решению правительства докончить начатое дело мы имеем возможность читать теперь Герцена. Таково же было отношение правительства и к памяти Герцена в 1920 г., когда оно по всей стране организовало весьма торжественные поминки по случаю пятидесятилетия смерти, и особенно в Москве, где и я выступал публично. Тогда же правительство послало вам особую телеграмму — не знаю, получили ли вы ее, как и Ольга Александровна <...>*

Теперь, когда наша несчастная страна, перенесшая тяжелую блокаду Запада и гражданскую войну со стороны всех сторонников самодержавия и капитализма, вступила твердо на путь творческой новой жизни, когда оно <правительство> всячески поощряет науку и литературу, когда оно заинтересовано в накоплении у себя культурных ценностей и может себе позволить этот расход, — очень понятно, что перед правительством пролетарской республики стал вопрос о приобретении в свою собственность всего духовного наследия своих видных учителей и в том числе Герцена. Правительство <...> поручило мне предложить вам и членам вашей семьи войти со мной в предварительные переговоры по приобретению всего архива Герцена.

Надо ли доказывать, что именно у нас он должен быть, что нам он дорог, что именно мы должны его приобрести? Полагаю, что эта сторона вопроса не возбуждает у вас никаких сомнений.

Что касается суммы, которую вы определите, то она зависит от вас, и, по-моему, вы имеете нравственное право учесть потерю суммы, лежавшей на текущем счету на мое имя, но принадлежавшей вам, как это ясно из прилагаемого отчета.

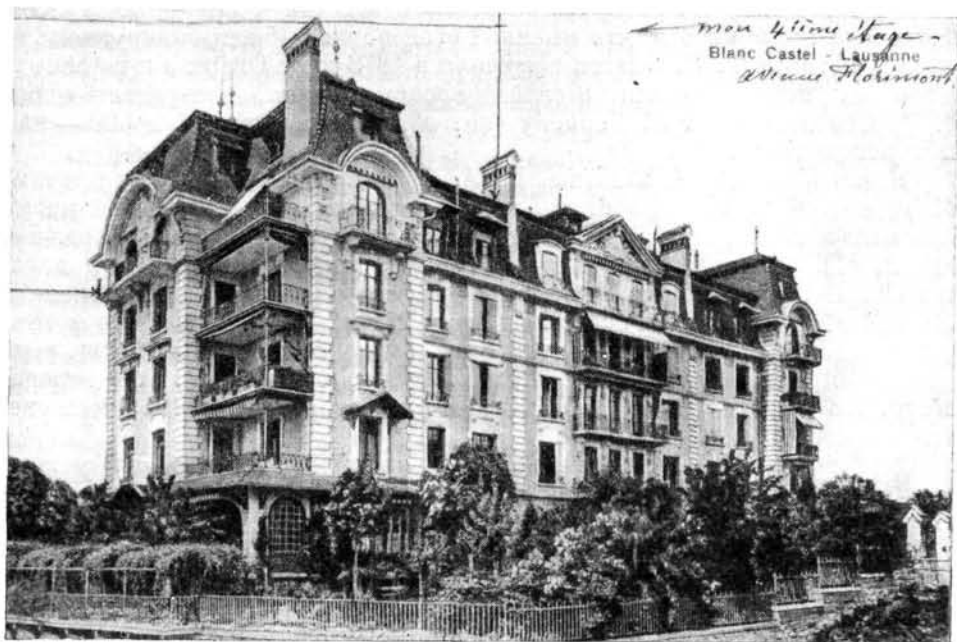
Самая передача могла бы происходить, я думаю, таким путем: мне хорошо известно содержание всего архива, поэтому, вероятно, меня и командироват правительство для оформления этого дела и для приема самого архива и перевозки его в Россию.

Очень был бы рад повидаться с вами и обо многом побеседовать. Думаю, что и вы, как очень многие, слышите о нас такой вздор, такой свист людей, которым пролетарская республика оказалась мачехой за их отношение к нуждам и интересам трудящихся масс, что такая беседа немало разъяснит вам, насколько и кто прав объективно.

* В январе 1920 г., когда еще шли бои на фронтах гражданской войны, страна отмечала пятидесятилетие смерти Герцена. Под редакцией Лемке в издании Музея революции в Петрограде 21 января была выпущена «однодневная газета памяти А. И. Герцена» под названием «Колокол». В разделе «Герцениада» напечатано несколько заметок, несомненно написанных Лемке. «Архив семьи Герцена, — читаем мы в одной заметке, — при первой возможности будет подготовлен Натальей Александровной Герцен при содействии М. К. Лемке к перевозке в Россию. Обширность и важность этого архива совершенно исключительны». В заметке «Живые дети Герцена» тепло говорится о «патриархе» фамилии — Наталье Александровне: «Как страстно чтит Наталья Александровна память своего отца и является верной хранительницей всего громадного его архива! С какой любовью, с какой нежностью она пересматривает эти заветные бумаги и рукописи, как рада каждому, кто проявляет интерес к Герцену!.. Богатству материалов, данных редактором издания в его комментариях, наша родина обязана преимущественно ей».

Я сам долго крепился, долго и вдумчиво осматривался, долго исследовал существо революции и кончил тем, что год назад вступил в партию, которой суждено перевернуть весь мир. Совершив этот шаг на пятидесятом году своей жизни, ни к чему не обязанный, ничем внешним не толкаемый, я горжусь, что хоть под конец своей жизни включил себя в ряды людей, героически и твердо борющихся против мировой буржуазии» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, лл. 199—200 об.).

❖ Ответила ли Н. А. Герцен на это письмо—неизвестно. В архиве Лемке следов никаких нет. Но в «пражской коллекции» имеется два идентичных экземпляра ответа, датированного 5 февраля 1923 г. Возможно, что перед

ДОМ В БЛАН-КАСТЕЛЕ В ЛОЗАННЕ, ГДЕ ЖИЛА Н. А. ГЕРЦЕН

Вид на открытом письме, посланном Н. А. Герцен М. К. Лемке 3 октября 1912 г.

Стрелками Н. А. обозначила свою квартиру (верхний этаж)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

нами оригинал и копия неотправленного письма. В этом письме Н. А. Герцен отказывалась вести переговоры с Лемке (там же, ед. хр. 328, лл. 13 и 14).

2

Из переписки Лемке явствует, что при издании собрания сочинений ему приходилось постоянно сталкиваться с недостаточной осведомленностью наследников Герцена о том, что хранится в их семейном архиве, и с их «домашней цензурой», которой они пытались подвергнуть многие материалы, так или иначе, по их мнению, компрометирующие семью.

В начале переписки А. А. Герцен предупреждал Лемке: «Вы совершенно ошибаетесь, предполагая, что у меня находится еще богатый материал, относящийся к жизни или к деятельности моего отца: *кроме неизданной тетради „Былого и дум“* (которую мы порешили не выпускать, во всяком случае прежде 1920 г.), у меня нет ничего, и все, что находилось у меня, находится теперь в Москве, в Румянцевском музее» (письмо

от 12 октября 1905 г. — ИРЛИ, ед. хр. 295, л. 1). Однако при детальном ознакомлении с семейным архивом впоследствии удалось выявить значительное число новых материалов. Вспомним обнаруженные Н. А. Герцен в ноябре 1914 г. на чердаке лозаннского дома пачки писем Герцена к Огареву. «Значит, есть еще места, вами не обследованные? — писал не без укоризны ей в ответ Лемке. — Пожалуйста, поспешите убедиться, что больше нет таких мест и все разобрано» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 152).

Н. А. Герцен в письме от 26 декабря 1914 г. разъясняла: «Найденная мною пачка, повидимому, была отложена особо моим братом <...> Как только письма будут переписаны, я их пришлю вам» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 43).

Она сообщила, что найденные письма относятся к 1868—1869 гг. Не исключена возможность, что именно в этой пачке и были обнаружены те письма, которые Т. П. Пассек получила в 1873 г. от Огарева и в 1886 г., после их использования в своих воспоминаниях, возвратила через М. И. Семевского А. А. Герцену (см. об этом на стр. 603 и 609 — 610 настоящего тома).

Сообщая впервые о находке, Н. А. Герцен заметила, между прочим: «Я их еще не успела прочитать, но мне кажется, что среди этих писем есть много таких, которые не могут быть напечатаны» (там же, ед. хр. 301, л. 41). Можно предполагать, что часть этих недостающих в издании Лемке писем Герцена к Огареву публиковалась в советское время в «Звеньях» и в т. 61 «Литературного наследства». Характерно, что в двадцати недавно опубликованных письмах к Огареву за 1868—1869 гг. речь идет об интимной драме самой Натальи Александровны. По всей вероятности, это отчасти и явилось причиной того, что не вся пачка писем сделалась известной Лемке.

Опасаясь публикации материалов, в какой бы то ни было степени компрометирующих родственников Герцена, наследники писателя постоянно проявляли повышенный интерес к вновь найденным материалам о Герцене. Когда бумаги покойной Н. А. Тучковой-Огаревой поступили к М. О. Гершензону, Лемке немедленно ознакомился с имевшимися там письмами Герцена. «Как же вы нам не сказали об этом? — писала из Лозанны Наталья Александровна Герцен. — Гершензон желает напечатать эти листки и говорит, что вы согласны; он спрашивает у нас разрешение. Я написала ему, что если вы согласны, то и мы согласны, и чтобы он раньше прислал нам копию, чтоб иметь представление, о каких листках идет речь» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 11).

В письме от 9 октября 1907 г. Николай Александрович Герцен посвятил Лемке в суть своих опасений. «В сущности, — писал он, — пресловутая пятая часть <«Былого и дум»> не содержит ничего компрометирующего Н. А. <Герцен-мать>. И если мы до сих пор не желаем издавать ее, то делаем это во избежание неприятной полемики с наследниками Гервега. Дело в том, что последний выставлен в далеко не благородной и очень компрометирующей его роли, о чем родные его догадываются, и нам известно, что они ни перед чем не останавливаются, чтобы выгородить своего деда. Вот настоящая причина, побуждающая нас пока не печатать этой части. Другое дело, если они начнут, — тогда, во имя истины, мы, может быть, вынуждены будем сделать это...» (там же, ед. хр. 306, лл. 17 об. — 18) *.

* 15 сентября 1907 г. Лемке писал Н. А. Герцену: «Да, считаю нужным сообщить вам, но совершенно конфиденциально, что „Былое“ имеет случай приобрести подлинники писем Гервега и делает это, чтобы их никогда не печатать, если вы предоставите им право напечатать пятую часть „Былого и дум“. Меня просили поддержать эту мысль (кажется, Гершензон на стороне „Былого“ в этом вопросе), но я думаю о ней иначе и нарочно скрыл свое мнение, сообщая о нем *только вам*. По-моему, вам не следует раз-

По поводу публикации писем Герцена, в которых встречались неблагоприятные для Н. А. Тучковой-Огаревой отзывы, между Лемке и Н. А. Герцен развернулась продолжительная дискуссия. Пока Тучкова-Огарева была жива, Лемке сам шел на компромисс и считал, что не все сведения о ней, содержащиеся в переписке, должны быть раскрыты читателю. Он писал Наталье Александровне Герцен 12 мая 1913 г.: «Я думаю, что надо отложить все те письма, в которых сказано больше, чем напечатано в „Вестнике Европы“*, и если это большее таково, что проливает свет на отношения к Огаревой и пр. Это не значит, что я буду придирааться к словам, но важно не дать возможности кому-нибудь после выхода нашего издания писать, что в таком-то письме пропущено то, в другом — другое, и таким образом, под видом критики рассказать то, что мы считаем пока неуместным» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 67)**. 30 декабря 1913 г. Огарева умерла. Лемке придерживался мнения, что теперь нет оснований скрывать правду о ее трагической роли в судьбе Герцена. 22 января 1914 г. он писал Н. А. Герцен: «Смерть Огаревой развязывает нам руки, и теперь, полагаю, в отношении всего, что говорит Герцен о ее роли в его жизни, можно быть свободнее. Это важно для изучения Герцена и для того, чтобы знать, какая гиря тянула этого человека вниз, когда он стремился вверх» (там же, ед. хр. 327, л. 88).

Н. А. Герцен ответила на это, как отвечала и прежде в подобных случаях: «Я все-таки думаю, что о роли Огаревой в жизни отца нужно писать с осторожностью. Нужно помнить, что она очень страдала и что все-таки ей были присущи и хорошие стороны. Кое-что можно опубликовать, но, конечно, не все» (письмо от 7 февраля 1914 г. — ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 21 об.). Лемке отозвался следующим образом на это письмо: «Я хорошо понимаю чувства, руководящие вами, когда вы говорите, что Огареву надо щадить. Я понимаю это и по существу и поэтому сам призываю читателя в своих комментариях не бросать в нее камнем осуждения именно потому, что, никому не устроив жизнь лучше, она расстроила ее и себе первой. Это, как видите, влияние наших лозаннских бесед. Понимаю также, что очень резкие выражения по ее адресу можно удалить и *нужно*, но при всем этом надо же понять, что Герцен не будет понят читателями до тех пор, пока они не прочтут его же слов и писем о своей жизни с этой женщиной. Надо дать полное понятие о том, как она сломала эту жизнь и *кого* отняла у нас. Простите меня, но этот вопрос громадной важности, гораздо больше, чем память Огаревой» (письмо от 17 апреля 1914 г. — ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 128) Этот взгляд на Огареву, как известно, и был выражен Лемке в комментариях.

Подробному обсуждению подвергались в переписке и другие вопросы семейной жизни Герцена.

Н. А. Герцен писала Лемке 13 декабря 1912 г.: «Я изъехала из переписки целый ряд писем моего отца к <моему> брату, писем, в которых отец

решать печатание, чтобы не ослаблять интереса к будущему полному собранию сочинений, а если, действительно, появление пятой части находится в зависимости только от приобретения писем Гервега, то просто купить их через „Былое“. Впрочем, я, главным образом, против того, чтобы „Былому“ дать право печатания пятой части: с их стороны это просто афера для добывания подписчиков, число которых понижается заметно» (ЦГАЛИ, ед. хр. 326, л. 3 об.). Повидимому, речь идет о тех 20 письмах Гервега к Герцену, которые Лемке напечатал в примечаниях к «Былому и думам» (XIV, 34—89).

* Публикация писем Герцена, хранившихся в Румянцевском музее (дар А. А. Герцена), в «Вестнике Европы», 1907, №№ 6, 7; 1908, №№ 1, 2, 3.

** Сразу же после смерти Огаревой М. О. Гершензон писал Лемке: «Могу удостоверить, что Н. А. Тучкова-Огарева сама была за обнародование *всей* истины и не раз упорно говорила мне это. По-моему, вы можете печатать о покойнице все, — другое дело живые: Наталья Александровна, г-жа Моно, М. К. Рейхель» (ИРЛИ, ед. хр. 311, л. 51 и об. — См. также «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой. Л., 1929, стр. 498).

мой делает ему слишком строгие и не совсем заслуженные замечания. Если у вас встретятся такие же места в тех письмах, которые вы взяли с собою*, то прошу вас эти места выпустить. Я уверена, что мой отец сам отказался бы от этих жестких слов, если бы он увидел то научное положение и вообще те результаты, которых впоследствии добился мой брат. Я могу сказать, что брат мой в высшей степени совмещал в себе качества человека науки, общественного деятеля и что касается частной его жизни — примерного отца и мужа. Я уверена, что мой отец был бы против опубликования тех писем или тех мест в его письмах, в которых говорится о семейных *трениях* и вообще о слишком интимных семейных делах» (ИРЛИ, ед. хр. 297, лл. 19 об. — 20). Николай Александрович Герцен также предупреждал Лемке: «Нам <...> хотелось бы получить от вас уверение, что многое из того, что будет вам сообщено, не только не подлежит опубликованию, но даже не может быть предметом частных разговоров» (там же, ед. хр. 307, л. 10 об.).

Лемке пользовался каждым случаем, чтобы преодолеть излишнюю щепетильность наследников. В этом отношении характерно письмо его от 2 апреля 1914 г.:

«Теперь, после смерти Огаревой, вероятно, нет надобности пропускать некоторые места в письмах к Саше <т. е. к А. А. Герцену>, где явно говорится о ней. Между тем, самих этих мест я не имею и не знаю, что в них. Например, в письме от 30 марта (1859 г.) из Фуляма, которое кончается замечанием о Каченовском, мне неизвестно начало. Хотелось бы, чтобы вы пересмотрели теперь такие выпущенные места и дослали бы мне их, если считаете возможными для печати. Точно так же вы не прислали мне письма к Саше относительно его мысли жениться на Эмме Фогт**, а Пассек во втором томе говорит об этом *три* страницы. Точно так, как вы боялись назвать Нидергрубера, а у Огаревой он назван на двух страницах.

Нам надо стремиться к полной передаче <истины>, где она не причинит горя или неприятности живущим или их детям. Что он побранивает Сашу за неаккуратность, за редкие и поверхностные письма и пр. — это очень важно, потому что показывает, как он следил за ним и его воспитанием, а Сашу это несколько не унижает, потому что кто же не знает, что из него вышел выдающийся ученый, и кто не будет видеть из моих же комментариев, каким хорошим человеком он показал себя в жизни» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 124—124 об.).

«Что касается желанья Александра Александровича жениться на Эмме Урих, — писал Лемке 17 апреля 1914 г., — то, повторяю, об этом есть в литературе подробные рассказы и известное отношение по ним Герцена <...> Мадам Тереза вряд ли может быть в обиде <...> Там, где говорится о том, что бросает какую-нибудь тень на А. А. и из последующих писем не выясняется, что это не так, там, я понимаю, <надо> пропустить несколько слов, как, например, в письме от 30 марта, где он упрекает его в непередаче письма Фогт. Но таких случаев немного» — там же, ед. хр. 327, л. 127—128 об.).

Н. А. Герцен ответила Лемке уклончиво: «Письмо от 30 марта из Фуляма я поищу, просмотрю еще раз и тогда скажу, можно ли печатать или нет» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 2).

В издании Лемке этого письма нет: оно публикуется — под датой 20 марта 1860 г. — в следующем, 64, томе «Лит. наследства».

Николай Александрович Герцен предупреждал Лемке 26 мая 1912 г., что письма Герцена к приятельнице его, М. К. Рейхель, чрезвычай-

* Речь идет, повидимому, о копиях.

** Эмма Урих, родственница Фогтов.

М. К. ЛЕМКЕ

Фотография 1923 г.

Собрание В. М. Лемке, Ленинград

но интимны, «даже неудобно поручить их переписывать третьему лицу, и только незначительная часть их подлежит опубликованию» (там же, ед. хр. 307, л. 20 об.). А позднее, 5 июля, сообщал: «Что касается писем, то я послал с г. Ивановым-Разумником копии всех главных писем, остается, может быть, 3—4 десятка писем, которые не стоит переписывать» (там же, л. 25). Характерно разделение писем на «главные» и «неглавные» при подготовке полного собрания сочинений. Возможно, что часть именно этих писем опубликована теперь по «пражской коллекции» в 61-м томе «Литературного наследства».

Иногда копии присылались уже в «обработанном» виде. «Что же касается встречающихся в копиях фамилий,— сообщала Н. А. Герцен 19 мая 1913 г.,— от которых оставлена только первая буква, а остальное зачеркнуто, то объясняется это очень просто: в подлинниках имеются полные фамилии, но я просила Я. А. * оставить только первую букву, так как мне не хочется, чтобы эти лица, о которых говорится не всегда лестное, фигурировали под полными фамилиями» (там же, ед. хр. 298, л. 31—31 об.). Лемке оспаривал это решение и, в целом, стоял на принципиальной позиции, но иногда шел на вынужденные компромиссы, как это видно, например, из следующего письма: «Не всегда могу согласиться с вами относительно скрытия за первую букву всей фамилии. Это имеет значение только тогда, когда отзыв сделан резкий, но случайный, и притом до сих пор об этом лице такие же отзывы не появлялись уже в напечатанных сочинениях или письмах Герцена. В противном случае наша с вами деликатность будет впустую и только вызовет потом обвинение редактора в неумении прочесть фамилию. Во всяком случае, в каждом отдельном случае это придется нам с вами решить особо»** (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 66).

* Я. А. Зильберштейна, помогавшего снимать копии.

** Так, например, Лемке особо оговаривает «домашнюю» купюру в т. XIX, на стр. 402.

Иногда к Лемке присылались не копии, а только копии с копий. Вот письмо Н. А. Герцен от 19 мая 1913 г.: «Сестра <Ольга> мне прислала уже пачку копий писем отца к ней и к Мейзенбург, но это только часть, да и то не подлинники, впрочем, копии сделаны очень аккуратной особой. M-elle Isabella Monod — лучший друг мой. На днях Я. А. <Зильберштейн> начнет переписку этих копий (так как сестра требует их обратно)» (ИРЛИ, ед. хр. 298, л. 32 об.). Можно полагать, что здесь мы встречаемся уже с двойной семейной цензурой. Недаром Н. А. Герцен писала Лемке 5 января 1914 г.: «Я забыла вас попросить, чтобы вы во всех письмах моего отца выпускали те места, где говорится о m-elle Meyzenbug в том смысле, что она не хотела отдать Ольгу и препятствовала ей вернуться к отцу. Вы понимаете, что на самом деле все было гораздо сложнее. Французы говорят: „Cherchez la femme“*. Я бы сказала в данном случае: „Cherchez Наталью Алексеевну“. Вы ведь знаете, сколько дисгармонии она породила в нашей семье своею близостью к моему отцу. Ольга сама не хотела вернуться домой, зная, что тут около папаши находится Наталья Алексеевна. Все это объяснить публике невозможно, поэтому лучше совсем не говорить об этом и выпустить те места, где m-elle Мейзенбург выступает в таком неприятном свете. Вообще прошу вас, когда у вас сомнение или затруднение, нужно ли и можно ли опубликовать то или иное место из писем отца, спрашивайте меня. У меня здесь оригиналы, я могу справиться и решиться, можно ли публиковать» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 5—5 об.).

Последнее слово в этих делах, повидимому, принадлежало Н. А. Герцен. «Я все-таки нахожу,— писала она 26 апреля 1914 г.,— что даже после смерти Огаревой нужно щадить ее память и не печатать слишком резких выражений, которые мой отец иногда допускал по ее адресу. Письмо относительно проекта женитьбы на Эмме Фогт я не прислала из внимания к Терезе Герцен, которую это могло бы огорчить. Нидергрубера боялась назвать не я, а Мария Каспаровна <Рейхель>, которая даже и письма-то дать не хотела» (там же, ед. хр. 301, л. 2—2 об.).

Все это показывает, что наследники дали Лемке не все письма и что некоторые из писем, как мы видим, были напечатаны, по требованию наследников, с более или менее значительными купюрами.

3

Издание Лемке впервые дало широкое представление читателю о размахе публицистической деятельности Герцена в «Колоколе». При установлении авторства Герцена в анонимных статьях «Колокола» перед Лемке вставали огромные трудности. Он пользовался при работе книгой Л. А. Тихомирова, вышедшей в Женеве в 1887 г. под названием «Колокол». В ней было собрано свыше двухсот статей Герцена, опубликованных в «Колоколе». Можно ли верить безусловно Тихомирову? Лемке утверждал, что можно. «Немногие случайные ошибки не могут ее опорочивать»,— писал он (I, стр. IX).

Экземпляр книги Тихомирова Лемке получил для пользования от Натальи Александровны Герцен. Сам Тихомиров писал Лемке 29 декабря 1912 г., что он при публикации статей Герцена руководствовался следующими источниками: «Во-первых, мне дал свой экземпляр „Колокола“ Н. Жуковский, который эмигрировал что-то в начале 60-х годов и был близким Герцену человеком, вроде секретаря, почитателя и ученика**. Он в своем экземпляре своевременно отмечал личные статьи Герцена. Я хорошо знал Жуковского, по-приятельски. Лишь в очень немногих

* «Ищите женщину» (франц.).

** Близость Жуковского к Герцену сильно преувеличена Тихомировым.

случаях Жуковский руководился не отметками, а личными воспоминаниями, но таковых статей в мой сборник и не вошло. Второй источник был сын Герцена, то есть его экземпляр с отметками статей Александра Ивановича. Сына Герцена я лично не знал, но заочно мы знали друг друга и вели дело посредством переписки. Он также ручался за точность своих отметок статей А. И. Герцена. На основании этих источников я составил сборник и не ввел в него ни одной статьи, которой принадлежность не была бы подтверждена обоими вышеуказанными лицами» (I, стр. VIII).

Лемке захотел лично ознакомиться с этими источниками, использованными Тихомировым. Однако экземпляра «Колокола» с пометками Жуковского он достать не смог. Об экземпляре же, принадлежавшем А. А. Герцену, он осведомился у родственников. «Где экземпляр „Колокола“, бывший сначала <у> А. А., а потом переданный Вырубову? — спрашивал он в письме к Н. А. Герцен от 20 мая 1914 г. — Мне страшно важно все, что может помочь установить авторство хоть десятой части статей в „Колоколе“, никем не подписанных. Подумайте об этом, и нельзя ли что-нибудь сделать? Разумеется, книгу Тихомирова имею в виду и пр.» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 135 об.). Н. А. Герцен отвечала 6 июня 1914 г.: «Экземпляр „Колокола“, о котором вы говорите, бывший сначала у Саши, а потом переданный Вырубову, был возвращен нам и теперь находится у Николая» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 18 об.). — «Нет ли в экземпляре „Колокола“ у Николая Александровича каких-нибудь пометок под статьями неподписанными?» — спрашивал Лемке в письме от 30 мая 1914 г. (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 138). Н. А. Герцен отвечала: «Относительно авторства никем не подписанных статей в „Колоколе“ я решительно ничего сказать не могу, по той простой причине, что ничего не знаю, и не знаю, к кому по этому поводу обратиться» (ИРЛИ, ед. хр. 301, лл. 18 об. — 19). Из переписки не видно, получил ли Лемке этот экземпляр «Колокола». В издании, помимо ссылок на Тихомирова, есть много статей из «Колокола», «установленных по АСГ». Статьи, атрибутированные Лемке лично, «по интуиции», оговорены особо. Что означает в данном случае «установлено по АСГ»? Значит ли это, что в АСГ была в наличии подлинная рукопись Герцена, удостоверявшая авторство и с которой был сверен печатный текст? Или же сюда входят и простые указания родственников на авторство Герцена? В издании есть и такие пометки: «По указанию А. А. Герцена сестре» (под № 2149). Или под № 3234, 3275 и др. из «Kolokol» помечено, что установлено «по указанию А. А. Герцена». Но какого рода было это указание, — в письме или на экземпляре издания, — неясно. Более ясным является, например, указание под № 3284 — «по письму А. А. Герцена, хранящемуся в АСГ». Может быть, такие указания были сделаны во время лозаннских бесед? Обращают на себя внимание следующие строки из письма Натальи Александровны Герцен от 30 ноября 1912 г.: «На нескольких номерах „Колокола“, находившихся у Марии Каспаровны, мы нашли приписки рукой Александра Ивановича, которые мы тоже перепишем» (там же, ед. хр. 297, л. 18). Точно установить, о каких «приписках» на экземплярах «Колокола» идет речь, теперь, конечно, невозможно.

Большое число указаний Натальи Александровны о новых текстах Герцена целиком использовано Лемке, и здесь нет нужды о них распространяться. Однако и теперь представляют интерес некоторые ее свидетельства. Так, в письме от 15 июля 1913 г. она писала: «Сестра моя Ольга прислала мне две рукописи на французском языке, написанные рукою отца. Одна состоит из шести страниц с заголовком „Quatrième partie“ („Четвертая часть“, 1847—1852) — „Aux amis en Russie“. Другая рукопись представляет собою тетрадь из тридцати четырех страниц (тоже на французском) с заголовком „Vues alpestres“ („Альпийские виды“).

Genève, 1867 г.» (ИРЛИ, ед. хр. 298, л. 43). Лемке отвечал 8 августа 1913 г.: «Первая рукопись мне совершенно неясна: „Четвертая часть“ имеет другие даты — не 1847 — 1852, а 1842—1847 <...> Что касается „Альпийских видов“, то их надо сравнить с „Швейцарскими видами“ в десятом томе женевского издания. Если это окажется не то или с значительными вариантами, то и это мне нужно. Прошу списать обе вещи по-французски и перевести по-русски под вашим наблюдением, чтобы передать характер стиля и языка» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 80). Оба произведения вошли в издание (XIII, 297—300 и XIV, 766—786). Французский оригинал удостоверяет точное название «Альпийских видов». Остается неясным, почему Лемке считал возможной другую датировку при «Quatrième partie». Кроме того, Лемке не указал, есть ли разночтения с французским текстом.

Лемке первый предпринял обследование заграничной периодики. Ему удалось выявить несколько новых статей Герцена, опубликованных на иностранных языках, перепечатки этих статей в различных странах. Но ему и его помощникам далеко еще не все удалось найти. К тому же, используя в комментариях множество статей и заметок о Герцене в иностранной прессе, Лемке иногда только глухо упоминал о них, не давая точной ссылки.

В общей таблице запросов Лемке и на отдельных карточках (ЦГАЛИ, ед. хр. 337 и 338) имеются следующие сведения: «Франкфуртская газета 1848 г. до 8 сентября — о столкновении Герцена с парижской полицией» (ед. хр. 337, л. 1). Помечено, что именно послано для выяснения Эльману и Эльбауму. Но, видимо, следов найти не удалось, так как в издании Лемке этого материала нет.

Запрос: «„L'Avenir“, 1851, октябрь. Что о книге Герцена?». Помечено: «Написано Туманову». Ответ неизвестен, в издании Лемке материала нет.

В комментариях к т. V (стр. 365) Лемке указывает: «В № 90 „Journal de Genève“ 1849 г. от 9 ноября сообщено, что в новом органе „Alliance des Peuples“ в числе сотрудников фигурирует и Герцен, но мне ничего не удалось найти в подтверждение этого сообщения».

В письме к жене от 24 июня 1851 г. Герцен сообщал: «В „Республике“ и в „Univers“ было напечатано об моей истории в Сардинии» (VI, 419). Лемке, в «Канве биографии» с отсылкой на VI том, стр. 419, указывает: «В „La République“ и в „L'Univers“ напечатано о высылке Герцена из Сардинии» (XXII, 255). Между тем, Н. А. Герцен пометила на своих карточках, которые она отправляла Лемке: «„République“ и „Univers“ — июнь 1851, о деле Герцена в Сардинии. Газеты найдены, тщательно просмотрены по два раза каждая, справок никаких. Найдено в Национальной библиотеке» (ЦГАЛИ, ед. хр. 338, л. 1).

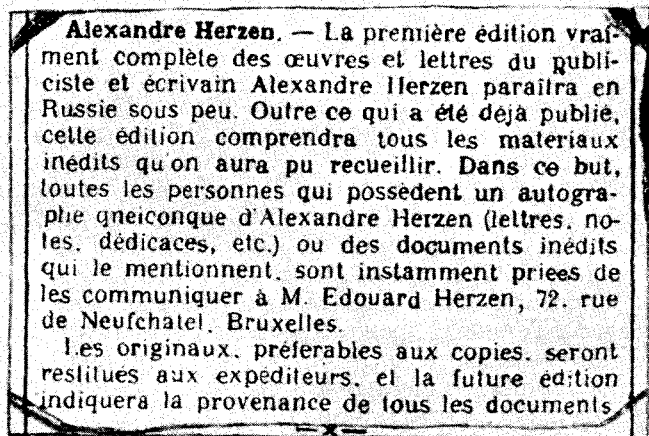
Особенно важны указания на новые тексты Герцена.

В письме к М. Мейзенбург от 19 сентября <1858 г.> Герцен сообщал: «...поляки <...> написали дурацкую статью против меня и Огарева, будто мы слишком умеренны. На случай, если вы не читали моей статьи в газете Мацини, я вам ее посылаю» (IX, 340). В «Канве биографии» это сообщение отнесено к 1859 г. и под рубрикой «до 19 сентября» дана, в сущности, перефразировка письма: «Поляки написали „дурацкую статью“ против Герцена и Огарева, обвиняя их в умеренности» (XXII, 301). «Поместил статью в „Pensiero ed Azione“ (IX, 340). Ни год, ни номер газеты не указаны. В переписке с наследниками никаких следов попыток разыскать эту газету не имеется*.

* Может быть, здесь речь шла о статье Герцена «Царь Александр II» в «Pensiero ed Azione» от 15 сентября 1858 г., переизданной в наше время. См. «Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 59—64.

Под рубрикой «до 20 мая 1868 г.» в «Канве биографии» категорически утверждается: «В „Gazeta Narodowa“ напечатана статья Герцена» (XXII, 369). Здесь же ссылка на т. XX, стр. 299. На указанной странице XX тома напечатано письмо Герцена к Огареву от 26 мая <1868 г.>, в котором сказано: «Если в „Газете народной“ была „Леонтина“, а не „Fleurs doubles“, то следует сделать следствие: я рукописи *никому* не давал». Место это никак не пояснено Лемке.

В письме к Н. А. Герцен от 31 декабря 1913 г. Лемке писал: «„Le Bulletin d'association internationale“ конца 1857 — отсюда статью Герцена об эмансипации крестьян» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 84 об.)*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДГОТОВКЕ К ПЕЧАТИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
ГЕРЦЕНА И СБОРЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНИЯ

«L'Etoile Belge» от 14 ноября 1913 г.

«Пражская коллкция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В письме от 14 марта 1914 г. Н. А. Герцен сообщала: «Получила несколько справок из Брюсселя („Nation“). Помимо тех номеров, которые вы указали, нам резюмировали также два номера за 1852 (№№ 141 и 146), в которых содержится описание похорон моей матери и коротенькие письма А. И. Герцена в редакцию с уведомлением об его пожертвованиях в пользу нуждающихся г. Ниццы и в пользу эмигрантов» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 32 об.).

В VII томе, на стр. 53, Лемке поместил письмо Герцена к интенданту г. Ниццы с предложением пожертвовать деньги для раздачи бедным (из № 181 «Nation») и в примечании ссылается на сообщение «L'Avenir de Nice» о пожертвованиях Герцена в пользу эмигрантов. Но Н. А. Герцен говорит о письмах Герцена в редакцию «National». Лемке не упоминает и №№ 141 и 146 этой газеты.

В письме Лемке от 27 января 1914 г. говорится: «В „Nation“ 1853 г. после 10 апреля есть заметка о свадьбе дочери Фогта. Это сочинение

* Имеется в виду статья, включенная Герценом в брошюру «La conspiration russe de 1825» (London, 1858) под названием «Le premier pas vers l'émancipation des paysans serfs en Russie» (XXII, 89—94).

Герцена. Надо списать» (ЦГАЛИ, ед. хр. 328, л. 90). Этой заметки в издании нет. У Натальи Александровны есть пометка: «Получен ответ („Nat.“, № 170)», но эта пометка почему-то зачеркнута самой Н. А. Герценом (ЦГАЛИ, ед. хр. 337, л. 7 об.) и ниже отнесена к другому запросу.

У Лемке возник вопрос: «Что мог печатать Герцен в 1853 г. в нью-йоркских газетах и журналах и в каких? Очень важно выяснить» (там же, ед. хр. 327, л. 91 об.). Но, видимо, ничего установить не удалось (там же, ед. хр. 337, л. 9). В том же письме такой же безрезультатный вопрос: «Что напечатано в феврале и январе в „Avenir de Nice“ 1853 г. самим Герценом?» (там же, л. 91 об.).

5 марта 1914 г. Лемке писал Н. А. Герцен: «В „Italia del Popolo“ начала 1857 г. (I—III) есть статья о России. Не Герцена ли?» (там же, ед. хр. 327, л. 116). Ответ неизвестен (там же, ед. хр. 337, л. 9 об.). Среди заявок Лемке встречается указание: «Во второй половине 1849 года в каких-то женевских журналах были отзывы об ученых трудах Герцена по части естествознания, написанных тогда же» (там же, ед. хр. 327, л. 57; ед. хр. 337, л. 7 об. и ед. хр. 337, л. 1). И в другом месте: «Какая и о чем статья Герцена в конце ноября или декабря 1854 г. в „L'Homme“?» (там же, ед. хр. 327, л. 121 об. и ед. хр. 337, л. 8 об.). «Что напечатано в феврале и январе 1853 в „Avenir de Nice“ самим Герценом?» — спрашивает Лемке в другом письме (там же, ед. хр. 327, л. 91 об. и ед. хр. 337, л. 9). И еще: «Что написал Герцен в августе или сентябре 1858 г. в „Italia del Popolo“» (там же, ед. хр. 327, л. 121 об. и ед. хр. 337, л. 9 об.).*

В своих библиографических комментариях Лемке неоднократно ссылается на автографы Герцена, хранившиеся в то время в частных руках. Судьба многих из них неизвестна. Так, например, не удается установить, где находятся подлинники, хранившиеся до революции у Э. П. Юргенсона (№№ 240, 1312), К. К. Тизенгаузена (№ 350), Л. Э. Бухгейма (№ 454), В. И. Яковлева (№№ 1228, 1230), М. И. Колесникова (№ 1359), Б. В. Сукачева (№ 2535), Ф. И. Витязева (№ 1099-bis), П. Е. Щеголева (№№ 402-bis, 1022-bis, 1139-bis). Подлинники также находились в «Кружке Герцена» (№ 1954) и товариществе М. О. Вольф (№№ 2606, 2650, 2657, 2699, 2705).

Иногда Лемке, — вероятно, по рассеянности, — не указывал место хранения подлинника (см. №№ 1312-bis, 1653), отметив только: «Сверено с подлинником» (подлинники или копии, принадлежавшие самому Лемке, были оговорены особо — №№ 22, 2379).

Лемке возлагал преувеличенные надежды на Вятский архив. В письме к Н. А. Герцен от 8 октября 1913 г. он радостно сообщал: «На днях мною будут получены дела архива вятского губернатора, до которых я так давно добирался. Ура!» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 28 об.).

Но эти надежды не оправдались. У Лемке встречается только одна ссылка на Вятский архив в комментариях к статье Герцена «Вотяки и черемисы» (№ 135). Лемке с явной досадой говорит о «двух делах» губернского правления о Герцене, которые только и сохранились в Вятке... и которые, против ожидания, оказались так скудны материалами (I, 536).

В одном из писем Н. А. Герцен отмечала: «Я получила письмо от Ф. Родичева, в котором он, между прочим, пишет: „Во время моего пребы-

* Кроме того, Лемке просил найти и обследовать еще такие издания: «L'Exile. Almanach pour 1851», Paris; «Italia e Popolo», 1854, 11 апреля; «Almanach de l'exile», 1855, Jersey; «Kurjer Lwowsky», 1889, № 61; «Revolté», 1890, 11 мая, supplément; «Arme Teufel», 1890, 11 мая; «Neue freie Presse», 1876, 20 и 29 сентября; «Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst», 1853—1858; «Europe», 1873, № 10; «Gazetta Narodowa», 1878, №№ 180—227, «Wiener Presse», 1870; «Северогерманская корреспонденция», 1862, № 192; «Берлинские военные листки», 1862, № 7; R a l l i. In Exile; Otto C o r w i n. Erinnerungen. Лейпциг, 1880; Т х о р ж е в с к и й. Мемуары; T. F r i c, Memoiren, и др.

вания в Вятке — 24 часа — сделали открытие целой пачки писем вашего отца, но я не успел посетить их собственника. Все, что надо, сделает редакция местной газеты». Получили ли вы какие-нибудь сведения об этих письмах? Надо обязательно раздобыть копии (если не оригиналы) этих писем. Об этом я, впрочем, еще напишу Родичеву». И еще в одном письме: «Узнали ли вы и достали ли что-нибудь из Вятки? Это был бы, в самом деле, клад, если бы то, что говорит Родичев, оправдалось» (Письма Н. А. Герцен от 3 и 16 января 1914 г. — ИРЛИ, ед. хр. 300, лл. 2—2 об.; 13—13 об. Результаты поисков неизвестны. Повидимому, это были письма Герцена к Скворцову, Машковцеву или какому-либо другому вятскому приятелю Герцена).

В начале 1913 г. шла неизвестно чем закончившаяся переписка Лемке с Николаем Александровичем Герценом о поисках архива Ф. В. Лугина*. Н. А. Герцен писал 3 января 1913 г.: «Относительно архива Ф. В. Лугина я думаю, что лишнее писать брату моему (т. е. П. А. Герцену, известному московскому врачу) в Москву: он этим вопросом не займется; гораздо вернее обратиться к вдове покойного, и я это на днях сделаю» (там же, ед. хр. 307, 39—39 об.).

Как Лемке, так и наследники принимали меры для выявления рукописей Герцена за границей. Однако результаты оказались, против ожидания, незначительными. Розыски велись, как мы знаем, путем воззваний в печати, запросов непосредственно в библиотеки, архивы, к частным лицам и антикварам.

«Обращение во все влиятельные заграничные газеты по поводу присылки подлинников (или копий) А. И., — писала Н. А. Герцен 26 ноября 1912 г., — будет сделано: в Италию уже послано». Но тут же она делала оговорку: «Мы считаем, что в обращениях во французские и немецкие газеты неудобно упоминать о „полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена: Гервеги могут встревожиться и помешать делу собирания материалов или вообще сделать какую-нибудь неприятность» (там же, ед. хр. 297, л. 17). Из переписки видно, что такие обращения все же были напечатаны и вызвали отклики со стороны владельцев автографов Герцена.

13 декабря 1913 г. Лемке известил Н. А. Герцен: «Недавно в газетах сообщалось, что кем-то и у кого-то в Брюсселе найдены несколько сот писем, касающихся эпохи издания „Полярной звезды“**. Надо спешить все это выяснить» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 57). На это Н. А. Герцен отозвалась следующим образом: «Вы просите навести справку по поводу сообщения в газетах о том, что „кем-то у кого-то найдены несколько сот писем, касающихся эпохи издания „Полярной звезды“». Вы понимаете, что это так туманно, что выяснить что-нибудь почти невозможно. Нужны более определенные указания» (ИРЛИ, ед. хр. 300, лл. 1 об. — 2). Вскоре она, однако, сообщила: «Мы все-таки напали на след той пачки писем, которая вас интересует. Недавно умер Гектор Дени, шеф социалистической партии в Бельгии, который оставил целую пачку автографов. Среди этих автографов уже найдено одно письмо моего отца. Разборка этой пачки писем еще не кончена, но, по словам m-elle Дени, есть надежда найти в этой пачке еще несколько писем папаши» (письмо от 31 января 1914 г. —

* Речь идет, несомненно, о Владимире Федоровиче Лугинине (1834—1911), профессоре химии в Московском университете, либерале, в молодости эмигранте, поддерживавшем связи с Герценом и Огаревым.

** По всей вероятности, это сообщение появилось в иностранной печати, и Лемке знал о нем лишь по слухам; в ином случае он снабдил бы свой запрос точным указанием на источник. В русских газетах: «Русское слово», «Речь», «Новое время» и «Русские ведомости», которые мы просмотрели за ноябрь-декабрь 1913 г., таких сообщений не было.

ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 18—18 об.). В издании Лемке имеется только одно письмо, упомянутое Н. А. Герцен, — к Леону Фонтену (XVII, 129).

«От Трюбнера я получила письмо, — с неутешительными результатами: у них ничего нет», — сообщала Н. А. Герцен (ИРЛИ, ед. хр. 297, л. 12).

8, 21 февраля 1913 г. Н. А. Герцен писала Лемке: «Не знаете ли вы, что за сочинение „Die Geheimnisse von Petersbourg“ („Тайны С.-Петербурга“) моего отца? На каком языке оно было написано и стоит ли начать переговоры с книгопродавцем Welter?» (там же, ед. хр. 298, л. 8). Лемке отвечал 14 февраля: «Предлагаемая рукопись для меня не совсем нова: я думаю, что А. И. написал книгу „Петербургские тайны“, но для этого нет достаточных доказательств. Рукопись может дать их, но если она написана им или, по крайней мере, подписана. В этом надо удостовериться, прежде чем покупать, но сделать это надо поскорее»* (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 61). «Я просила Вырубова, — писала Н. А. Герцен 17 марта того же года, — просмотреть рукопись „Тайн Петербурга“, предложенную нам одним парижским книгопродавцем: Вырубов ответил мне, что эта рукопись не представляет никакого интереса, так как написана „на каких-то полицейских бланках“ и не рукой моего отца» (ИРЛИ, ед. хр. 298, л. 17—17 об.). Какие основания имел Лемке думать, что Герценом написаны «Тайны Петербурга» и почему он сразу же потерял всякий интерес к книге, узнав, что она написана «на полицейских бланках», остается непонятным.

В 1907 г. зятем Герцена, Габриэлем Моно, были опубликованы письма Герцена к Мишле. Лемке заинтересовался публикацией. «Говорят, — писал он 27 сентября 1913 г., — у Моно есть не только письма, но и рукописи. Надо бы все это выяснить окончательно, если уже не выяснилось» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 32 об.). Н. А. Герцен отвечала 29 января 1914 г.: «Мишле все бумаги оставил своей жене, а m-me Мишле оставила их моему покойному beau-frère'y** Габриэлю Моно; вероятно, и письма моего отца к Мишле попали к нему и, следовательно, находятся теперь у моей сестры Ольги» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 20). В результате из двадцати восьми писем Герцена к Мишле и одной надписи на книге три первые даны Лемке по изданию Моно, с переводом М. Гершензона, а остальные опубликованы в издании по копиям с подлинников семейного архива. В настоящее время автографы шести писем Герцена к Мишле, хранящихся во Французской Национальной библиотеке, микрофильмированы, и один экземпляр микрофильма находится в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Н. А. Герцен получила копии писем своего отца, хранившиеся в Национальной библиотеке (девять писем к Э. Кине) и в Британском музее в Лондоне (письмо к Р. Гриффину, надпись для Р. Граната***); кроме того она завязала связи в Германии. «Я узнала, — писала она, — что в Берлине имеется русский архив-музей, основанный кн. Д. Бебутовым, которым в настоящее время заведует некто г. Вязьменский (его адрес: Berlin, Ansbacherstrasse, 17); в этом музее имеется специальный отдел Герцена. Я вошла в переписку с г. Вязьменским и надеюсь от него кое-что получить. На днях я получу список всего, что имеется в архиве кн. Бебутова» (там же, ед. хр. 298, л. 38). А затем, в письме от 15 июля 1913 г.: «У одного берлинского коллекционера, как оказывается, есть несколько писем моего отца; я постараюсь их раздобыть или, по край-

* В том же письме Лемке дальше писал: «„Тайны Петербурга“, кажется, написаны по-русски, но, может быть, я ошибаюсь. Следует достать эту книгу (изд. 1866 г.) через Бера и мне ее прислать с посылкой всего другого» (л. 61 об.).

** свояку (франц.).

*** В письме от 7 апреля 1914 г. Н. А. Герцен, между прочим, указывает: «В Англии работает для нас Керженцов (Пл. Лебедев)» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 42).

ней мере, списать» (там же, л. 43 об.). С Г. М. Вязьменским встречался в 1914 г. в Петербурге и сам Лемке.

О письмах берлинского коллекционера ничего не известно. Что касается переписки Н. А. Герцен с Вязьменским, то она, видимо, дала Лемке некоторые материалы для комментария. В предисловии к первому тому, наряду с другими лицами, он благодарит за помощь Д. И. Бебутова.

Г. М. Вязьменский писал к Н. А. Герцен 26 июня 1913 г.: «В архиве-музее, основанном кн. Давидом Иосифовичем Бебутовым, имеется специальный отдел Герцена, в котором мы собираем все, что относится к памяти Александра Ивановича, а также все его сочинения, напечатанные на разных языках <...>

Между прочим, я нахожусь в сношениях с антикварами, приказав им доставлять мне все письма Герцена к издателям. Письма продаются по 5—10 марок. Имеются они и у знаменитых коллекционеров автографов (частных лиц). Когда они попадут в мои руки, я переправлю их вам. Недавно франкфуртский книгопродавец Вагг продал экземпляр „Полярной звезды“ с надписью А. И. и Огарева Фр. Боденштедту. Знаю я также о рукописях и письмах, имеющихся у проф. Шиффа, но вы, наверное, хорошо с ним знакомы...» (ЦГАЛИ, ед. хр. 306, л. 1 и об.).

Представляют интерес некоторые детали из истории разыскания текстов, опубликованных Лемке. В комментариях Лемке эти детали опущены. Они могут, однако, явиться вехами для дальнейших поисков. «На наше воззвание во французских газетах,— писала Н. А. Герцен Лемке 21 ноября 1913 г.,— мы получили единственный, но очень приятный отклик в виде письма от французского посланника в Гааге Marcellin Pollet. У него оказались три письма моего отца к Tallandier (и одно написанное мною тоже к Tallandier, который в свое время был учителем жены М. Pollet — урожденной Scheurer-Kestner)» (ИРЛИ, ед. хр. 299, л. 26—26 об.). Все они опубликованы Лемке (№№ 1794, 2385, 2419) со ссылкой на архив наследников.

15 декабря 1913 г. Н. А. Герцен писала Лемке: «...Вас, наверное, обрадует тот факт, что нам из Парижа прислали еще нигде не опубликованное письмо моего отца к Ch. Chassin'у<...>. Прислал нам его Н. Monin, профессор одного парижского college'a, который нашел это письмо в архиве Ch. Chassin. Этот Chassin был французским публицистом и политическим деятелем (род. в 1831 г.) и был одно время редактором упомянутого журнала „Les Etats Unis“» (там же, л. 34). Лемке отвечал 9 декабря: «Присланному письму к Шассену очень рад. Побольше бы их» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 56). Письмо опубликовано Лемке (№ 2824) с пометкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве Ch. Chassin», но где этот архив — не указано.

«Какой-то Otto Carmin из Женевы (очевидно, читавший наше воззвание),— писала Н. А. Герцен 20 марта 1914 г.,— прислал нам „Von anderen Ufer“ 1850 г. (на немецком), с следующим посвящением рукою Александра Ивановича — переписываю его, так как оно может представить для вас интерес: „Александр Христиановне Энгельсон, русской по сердцу от русского. Ницца. 1851, 31/19 января“» (там же, ед. хр. 300, л. 38—38 об.). Эта надпись Лемке напечатана (VI, 155).

Невыясненным остается следующее место в письме Лемке от 9 апреля 1914 г.: «По словам Ковалевского, бернский Фогт показывал ему массу лежащих в куче бумаг, говоря, что там есть многое и о Герцене, но ничего не разобрано. Нельзя ли с ним войти в сношение и хоть руками „смирновца“* разобрать все, чтобы взять все интересное для нас? Скорее!» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 126 об.).

* Так почему-то звали в семействе Герценов Я. А. Зильберштейна.

«Нельзя ли свестись с какой-то Зоти, у которой, говорят, есть рукописи и письма?» — осведомился Лемке 11 октября 1913 г. (там же, л. 34 об.). Ответ был получен следующий: «М-ме Зоти была belle-mère* моего племянника Петруши; она умерла три-четыре года тому назад. Моего отца она никогда не знала, и я не слыхала, чтобы у нее были рукописи и письма моего отца. Впрочем, я могу спросить об этом ее мужа, хотя уверена в отрицательном ответе» (ИРЛИ, ед. хр. 299, л. 17 об.). Ссылок на Зоти у Лемке нет.

Переписка позволила Лемке уточнить ряд фактических подробностей из жизни и деятельности Герцена и его окружения. Так, Н. А. Герцен сообщала 31 января 1914 г.: «Во время болезни и смерти мамыши в Ницце был только Карл Фогт, тот, который занимался естественными науками, физиологией и т. д.; насколько помнится, другого Фогта тогда в Ницце не было, а Карл Фогт мог лечить мамашу, так как он был врачом. (Но главным доктором был другой, кажется Bonfils. Кто такой Беше и Лемуан — я не знаю, но, насколько я представляю себе из писем, это были люди, у которых находилась девочка Хоецкого. Я постараюсь достать фотографию деревни Шатель и школы. Не знаю, был ли папаша в этой деревне, а если был, то не больше одного раза; поэтому я не думаю, чтобы кто-нибудь из шательских старожиллов помнил папашу <...> На чем основано ваше убеждение, что папаша и мамаша находились в Париже в конце января 1850 г. до июня? Я сомневаюсь, чтобы они на такой срок оставили нас в Ницце, а сами оставались в Париже. А может быть мы, дети, были с ними? Расспрошу еще Марию Каспаровну и потом опять вам напишу» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 7—17 об.).

В письме от 7 февраля 1914 г.: «На конверте, в котором Гервег вернул письмо мамыши, Гервег ничего не написал, он только переделал адрес и поставил новые печати» (там же, л. 22 — 22 об.).

«Вы ошибаетесь, — писала Н. А. Герцен 17 апреля 1913 г., — что оригинал „Долга прежде всего“ написан по-немецки, хотя бы уже потому, что мой отец не настолько владел немецким языком, чтобы писать на нем статьи; оригинал, по всей вероятности, написан по-русски и переведен на немецкий каким-нибудь русским сотрудником отца» (там же, ед. хр. 298, л. 22 об.).

Просмотрев первый лист первого тома издания Лемке, Н. А. Герцен писала ему 3 апреля 1915 г.: «Еще вы пишете (в главе „Комментарий“): „Свободно владея несколькими иностранными языками: французским, немецким, английским, итальянским и отчасти латинским, — Герцен и т. д.». Это не совсем верно. Свободно он владел только французским языком; на английском и итальянском он только объяснялся, по-немецки говорил довольно свободно, но неправильно» (там же, ед. хр. 300, л. 8). Лемке исключил из этой фразы в предисловии слово «свободно».

Лемке предполагал богато иллюстрировать свое издание. В его архиве осталась общая роспись иллюстраций, собиравшихся также при активной помощи наследников Герцена.

Николай Александрович Герцен писал Лемке 7 мая 1912 г.: «У нас есть оригинальные портреты Герцена, писанные Витбергом, Ге и моей тетушкой, Натальей Александровной Герцен. Есть, конечно, и разные другие фотографические и дагерротипические портреты. У Натальи Александровны, кроме того, имеется альбом подлинных портретов многих современников, друзей и родственников Герцена» (там же, ед. хр. 307, л. 11).

В письме от 26 ноября 1913 г. Лемке просил дать ему точное описание портретов Герцена и его родственников (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 20 об.).

* тещей (франц.).

«Герцена надо дать буквально все, и даже самое неудачное, как материал к иллюстрации его жизни,— писал Лемке Н. А. Герцену 27 мая 1914 г. — В литературе о портретах все это будет указано. Наталью Александровну — тоже. Детей — дать наиболее характерное, опуская все то, что снято после смерти отца, — это уже не касается его как изучаемого нами автора и отца, умершего в определенное время. Внуков и их жён и пр. совсем не даю, потому что очень нарушило бы план: ни одного из них Герцен сам не видал» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 136 — 136 об.). Портреты предполагалось разместить в хронологическом порядке, группируя для экономии места по несколько на странице. Всего должно было быть во всем издании более полутора ста иллюстраций*.

Вследствие трудных условий военного времени от этого интереснейшего замысла Лемке пришлось отказаться.

* * *

Многолетняя переписка Лемке с наследниками Герцена дает ценный материал для биографии и библиографии великого писателя, намечает пути для поисков утерянных оригиналов его произведений и писем, а также характеризует методы работы редактора в период подготовки этого поистине монументального издания, сохраняющего свое значение и для нашего времени. Многочисленные страницы переписки согреты теплом творческого содружества редактора-энтузиаста с любимой дочерью Герцена.

* См. в настоящем томе обзор Н. П. Андиферова «Иконографические и мемориальные материалы в „пражской коллекции“». — *Ред.*